

УДК 343.85

DOI: 10.34670/AR.2020.92.12.016

Исполнение принудительных мер воспитательного воздействия: критический анализ правовой регламентации

Нагорнов Кирилл Игоревич

Член рабочей группы ГД ФС РФ по разработке законопроекта, студент,
кафедра уголовного права,
Волгоградский государственный университет,
400062, Российская Федерация, Волгоград, просп. Университетский, 100;
e-mail: nagornov_k@inbox.ru

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в соответствии с Приказом от 5 августа 2019 г. № 558.

Аннотация

В статье поднимается вопрос унификации правовых норм, регламентирующих процесс исполнения принудительных мер воспитательного воздействия в действующем законодательстве. Автором систематизированы нормативно-правовые источники, в настоящее время регулирующие рассматриваемый процесс, проведен критический анализ существующих в юридической науке предложений (концепций) законодательной регламентации данного процесса, а также рассмотрен законодательный опыт стран, входящих в СНГ. Целью работы является поиск наиболее оптимального варианта описания процесса исполнения принудительных мер в действующем законодательстве. Методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают сравнительно-правовой метод, методы логического анализа, синтеза, индукции, дедукции и обобщения. С учетом проанализированных положений обосновывается концепция необходимости регламентации процесса исполнения принудительных мер воспитательного воздействия в УИК РФ, а также отдельных положений в подзаконных и локальных актах. Проведенный анализ позволил сформулировать ряд практических выводов по совершенствованию действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Для цитирования в научных исследованиях

Нагорнов К.И. Исполнение принудительных мер воспитательного воздействия: критический анализ правовой регламентации // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 12А. С. 162-172. DOI: 10.34670/AR.2020.92.12.016

Ключевые слова

Принудительные меры воспитательного воздействия, применение, исполнение, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от уголовного наказания, уголовно-исполнительные отношения.

Введение

Этап исполнения примененных мер уголовно-правового воздействия выступает по своей сути практикой реализации положений норм материального уголовного права, позволяющей выявить его несовершенство, проблемы и противоречия и вместе с тем требующий надлежащей правовой регламентации его организации с целью максимально возможного содействия исправлению лица, его ресоциализации и снижению уровня криминальной активности как со стороны конкретного индивида, так и со стороны населения. В связи с этим регламентация процесса исполнения принудительных мер воспитательного воздействия (далее – ПМВВ), а также ряда вопросов, которые с ним связаны, необходима и должна быть надлежащим образом осуществлена на законодательном уровне.

Следует отметить, что ежегодно количество лиц, подвергнутых указанному процессу, составляет более 2700 человек. Так, Судебный департамент при Верховном суде РФ приводит следующую статистику применения судами ПМВВ (см. табл. 1).

Таблица 1. Судебная практика применения ПМВВ за 2016-2018 гг. и 6 месяцев 2019 г.¹

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	За 6 месяцев 2019 г.	
Всего осуждено несовершеннолетних	24 420	20 980	18 924	8441	
Из них освобождено от наказания	в порядке ч. 1 ст. 92	626	449	429	242
	в порядке ч. 2 ст. 92	402	384	432	148
Освобождено от уголовной ответственности в порядке ч. 1 ст. 90 УК РФ с применением ПМВВ	2655	2270	2385	1186	

Постановка проблемы

В настоящее время вопросы, связанные с исполнением ПМВВ, регулируются достаточно разрозненно.

- 1) В рамках *федерального законодательства*: преимущественно уголовным законодательством (ст. 90, 92 УК РФ); уголовно-процессуальным законодательством (ст. 427, 431-432 УПК РФ); ст. 5-8.1, ст. 15 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (далее – Закон № 120) и др.
- 2) В рамках *подзаконных нормативных актов*: п. 7 Постановления Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав», п. 70-73.1.2 и др. Приказа МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации», Приказ Министерства просвещения РФ от 17 июля 2019 г. № 381 «Об утверждении Порядка организации и осуществления деятельности специальных учебно-воспитательных учреждений открытого и закрытого типа», Приказ Министерства образования и науки РФ от 20 февраля 2014 г. № 134 «О категориях

¹ Таблица составлена на основе данных, представленных на сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ [Данные судебной статистики, [www](http://www.suddep.ru)].

несовершеннолетних, направляемых в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, реализующие адаптированные основные образовательные программы» и др.

- 3) В рамках *локальных актов*: Правила внутреннего распорядка и внутреннего трудового распорядка учреждений, Инструкция по действиям сотрудников учреждения в случае совершения воспитанниками самовольного ухода. Также следует отметить и такие акты, как Правила предоставления каникулярного отпуска воспитанникам, Правила приема в учреждение, Правила продления срока пребывания, перевода и выпуска воспитанников и др.

Кроме того, отдельные вопросы исполнения нашли отражение и в актах толкования норм права, например в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

Как можно обратить внимание, приведенный перечень нормативных актов, регулирующих процесс исполнения ПМВВ (при этом преимущественно такой меры, как помещение в СУВУЗТ), хотя и не исчерпывающий, однако достаточно объемный и вместе с тем логически не систематизированный, хаотичный и неорганичный, что, в свою очередь, порождает необходимость его унификации. Более того, ряд вопросов, возникающих в ходе исполнения ПМВВ, в настоящее время продолжает оставаться неурегулированными, что не только обуславливает необходимость их разрешения, но и порождает вопрос о том, где необходимо их регламентировать.

Критический анализ концепций законодательной регламентации процесса исполнения ПМВВ

В юридической литературе, специально посвященной исследованию рассматриваемого нами вопроса, предлагаются следующие правовые модели регулирования процесса исполнения ПМВВ:

- регламентация в рамках специально посвященной этому главы УИК РФ [Поводова, 2005, 11];
- регламентация в рамках Закона № 120 [Карелин, 2001, 24];
- регламентация в рамках отдельного закона, посвященного исполнению ПМВВ [Пудовочкин, 2002, 47];
- регламентация в любом из перечисленных вариантов [Боровиков, 2010, 117];
- принятие федерального закона о ПМВВ и порядке их применения в качестве приложения к основному тексту УК РФ [Бурлака, 2015, 44];
- дифференцированные подходы, различающиеся в зависимости от того, в каком порядке назначены принудительные меры: при освобождении от уголовной ответственности – в Законе № 120; при освобождении от уголовного наказания – в рамках УИК РФ [Санташов, 2018, 131].

Представляется необходимым перейти к непосредственному анализу указанных выше правовых моделей.

Первое, что обращает на себя внимание, – это предложение о принятии специального *закона о ПМВВ и порядке их применения*. Несомненно, данная инициатива весьма оригинальна, однако не лишена недостатков. В качестве аргументов за принятие данного закона автором

высказываются следующие: трудности правовой регламентации в УИК РФ и Законе № 120 (ввиду расширения предмета уголовно-исполнительного права; целевая концепция последнего акта не совпадает с рассматриваемыми предложениями и др.), имеющийся зарубежный опыт отдельных государств. Вместе с тем, как представляется, главный недостаток данного предложения заключается в том, что во внимание не берется правовая природа принудительных мер, которые являются мерами уголовно-правового воздействия, регламентируются в уголовном законодательстве и являются результатом реализации охранительных уголовных правоотношений. При этом конструкция порядка их применения, сочетающаяся с порядком их исполнения, сформулирована законодателем таким образом, что применение ПМВВ является условным основанием освобождения от уголовной ответственности/наказания, что делает их схожими с условным осуждением, однако они отличаются от последнего отсутствием правовых последствий, связанных с институтом судимости. Следует также отметить, что условность эта проявляется в том, что окончательное освобождение лица зависит от его последующего поведения, а отсутствие судимости (как на время применения данных мер, так и впоследствии) – одна из главных особенностей данного института, которая вытекает из принципа гуманизма. Вместе с тем сам институт выступает своего рода мерой, альтернативной уголовному наказанию, основным преимуществом которой является, помимо указанного выше, заложенный в таких мерах воспитательно-образовательно-карательный комплекс воздействия.

Так как перечень ПМВВ, их содержание, основания и условия применения регламентируются в УК РФ, можно прийти к выводу о том, что принятие отдельного закона *о принудительных мерах* и порядке их исполнения (*в части регламентации самих ПМВВ*) будет не соответствовать положениям ч. 1 ст. 1 УК РФ, в которой закреплено, что единственным источником уголовного законодательства является УК РФ, а иные, принятые в установленном порядке акты подлежат включению в него. Возникают сомнения и относительно такой формы, как *закон, являющийся приложением к тексту УК РФ*, поскольку таковой, исходя из указанных выше положений, должен быть отражен в самом УК и иных форм существования уголовно-правовых норм законодателем не предусмотрено. Кроме того, считаем нецелесообразным регламентацию мер уголовно-правового воздействия не в основном тексте УК РФ, а в приложении к нему.

Необходимо разрешить вопрос о том, будет ли процедура исполнения ПМВВ включаться в предмет регулирования уголовно-исполнительного права. С.А. Бурлака отмечает: «При применении же принудительных мер воспитательного воздействия уголовно-исполнительные правоотношения, как нам представляется, вообще отсутствуют. Это объясняется спецификой содержания анализируемых мер, которая в конечном счете влияет на характер правоотношений, возникающих при их применении. Исполнение рассматриваемых мер осуществляется в рамках административно-правовых отношений» [Бурлака, 2015, 43]. Думается, данная позиция является не бесспорной ввиду следующих доводов.

Как следует из положений ч. 2 ст. 2 УИК РФ, «*уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации устанавливаются общие положения и принципы... применения иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации...*». На основе анализа вышеуказанного положения можно прийти к выводу о том, что в предмет уголовно-исполнительных отношений входят и отношения, связанные с реализацией иных мер уголовно-правового характера. Однако остается неясным, о каких конкретных мерах уголовно-правового характера идет речь в ч. 2. ст. 2 УИК – в узком смысле раздела VI УК РФ (т. е. принудительные меры медицинского характера, конфискация

имущества, судебный штраф) или в более широком смысле («иные меры» рассматриваются как меры, не являющиеся по своей природе уголовным наказанием). Как представляется, верной является последняя позиция, что позволяет относить к иным мерам уголовно-правового характера, а следовательно, и к предмету уголовно-исполнительного права отношения, связанные с исполнением ПМВВ. Подтверждением данной позиции служат следующие аргументы.

Во-первых, формально в уголовное законодательство категория «иные меры уголовно-правового характера» была введена Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ спустя почти 10 лет после принятия УИК РФ, следовательно, на момент введения в уголовно-исполнительное законодательство (в ч. 2 ст. 2) категории «иные меры уголовно-правового характера» отсутствовало ее ограничительное толкование в узком смысле раздела VI УК, что, однако, не исключает ситуацию, когда законодатель вводил указанную категорию на перспективу, что тоже вызывает определенные сомнения, так как уголовно-исполнительное право производно от уголовного и его изменениям должны предшествовать изменения (нововведения) в уголовном законодательстве, а не наоборот.

Во-вторых, анализ Особенной части УИК РФ позволяет сделать вывод о том, что специальная правовая регламентация (в отдельной главе/разделе) исполнения иных мер уголовно-правового характера (в смысле раздела VI УК РФ) в УИК РФ отсутствует.

Кроме того, принудительные меры применяются, как уже отмечалось, в результате реализации положений уголовного законодательства, при этом последнее устанавливает определенный «пробационный» период, в рамках которого лицо должно доказать свое «исправление» посредством исполнения указанных мер. Следовательно, с фактом применения ПМВВ уголовные отношения не прекращаются. С момента применения ПМВВ до момента их исполнения реализуются именно уголовные отношения [Курбанова, 2010, 20] и вместе с тем начинают реализовываться отношения по исполнению примененных мер, которые, думается, и следует именовать уголовно-исполнительными. В связи с этим представляется возможным и отнесение ПМВВ к иным мерам уголовно-правового характера в контексте ч. 2 ст. 2 УИК РФ (аналогичная точка зрения высказана и в одном из Комментариев к УИК РФ [Борисов, 2011, 7]).

Между тем, по общему правилу, субъектом уголовно-исполнительных отношений является осужденный, однако таковым выступает несовершеннолетний в случае освобождения от наказания с применением ПМВВ – помещением в СУВУЗТ. Отсюда следует вопрос о том, являются ли уголовно-исполнительными отношения, связанные с исполнением ПМВВ, которые применены в рамках освобождения от уголовной ответственности. Как представляется, в данном случае также должна идти речь о реализации уголовно-исполнительных отношений. Несмотря на то, что данное высказывание заслуживает критики и не является бесспорным (по общему правилу, юридическим фактом возникновения уголовно-исполнительных отношений является приговор или изменяющее его определение, акт амнистии, помилования, однако в нашем случае выносится постановление о прекращении дела/преследования; кроме того, по общему правилу, субъектами данных отношений являются осужденный и орган, на который возложено исполнение наказания (глава 3 УИК РФ), а в нашем случае лицо не осуждается и орган, на который возложено исполнение ПМВВ, не совпадает с теми, которые перечислены в указанной главе (за исключением суда)), приводим следующие контраргументы, подтверждающие нашу позицию.

- 1) Как и в случае с наказанием, субъектом применения ПМВВ также выступает исключительно суд, который применяет институт в соответствии с нормами уголовного

закона.

- 2) Данный порядок применения института ПМВВ обусловлен стремлением законодателя предоставить возможность несовершеннолетнему миновать судебное разбирательство, тем самым и попутно снизить нагрузку на судей, при этом применяя к нему меру уголовно-правового воздействия (ст. 427 УПК РФ). Однако применение ПМВВ в указанном порядке возможно (и в основном практика идет по этому пути) и после проведения полного судебного разбирательства по делу, что демонстрирует сходство с этапом осуждения лица, а применение ПМВВ как в ходе досудебного, так и в ходе судебного производства (при освобождении от ответственности и наказания) позволяет говорить о сходстве в их правовом содержании и правовых последствиях, связанных с отсутствием судимости (ст. 90 УК РФ). В связи с этим в данном случае нельзя говорить о наличии уголовно-исполнительных отношений только при освобождении от наказания.
- 3) Законодатель придал освобождению от ответственности условный характер, в связи с чем отношения фактом освобождения не исчерпываются, что порождает возникновение иного рода отношений, не являющихся ни административными, ни уголовно-процессуальными.
- 4) Упомянутая ч. 2 ст. 2 УИК РФ не конкретизирует порядок применения иных мер. Таким образом, уголовно-исполнительное право не придает решающего значения порядку применения иных мер.
- 5) Если исходить из узкого понимания иных мер уголовно-правового характера и понимать под одной из них, например, судебный штраф, который применяется при освобождении от уголовной ответственности, то совершенно очевидно, что обозначить какие-либо существенные различия между применением судебного штрафа и применением ПМВВ, реализующихся в рамках освобождения от ответственности, не представляется возможным, а следовательно, нельзя и утверждать, что в рамках исполнения одной меры возникают уголовно-исполнительные отношения, а в рамках другой – нет.

Имеющиеся расхождения между органами, исполняющими ПМВВ, и традиционными органами, перечисленными в главе 3 УИК, как представляется, обусловлены тем, что законодателем не предпринимались попытки урегулировать данный процесс и он до сих пор не урегулирован в УИК РФ. В связи с этим указанный вопрос не должен вызывать полемику.

Возвращаясь к концепции включения отдельного раздела/главы в Закон № 120, регламентирующей(ей) процесс исполнения ПМВВ, отметим, что это также представляется весьма неудачным решением. Так, указанный закон регулирует преимущественно административно-правовые отношения, в то время как применение ПМВВ реализуется в рамках уголовно-правовых отношений. Кроме того, Закон № 120 *устанавливает основы правового регулирования отношений, возникающих в связи с деятельностью по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних*, однако в нашем случае речь идет об исполнении/отбывании примененной(ых) судом мер(ы) воспитательного воздействия, предусмотренной(ых) УК РФ, что по своей сути является более конкретным отношением (по сравнению с теми, которые регулируются вышеназванным законом) и имеет иную правовую природу. Не устанавливает данный акт и каких-либо форм реализации уголовной ответственности, а также оснований освобождения от таковой, чтобы определять порядок ее применения и исполнения.

Исходя из изложенного, считаем нецелесообразной и регламентацию процесса исполнения ПМВВ дифференцированно, в зависимости от порядка их применения. Более того, с учетом

того, что как при освобождении от ответственности, так и при освобождении от наказания применяется один комплекс мер (ч. 2 ст. 90 УК РФ), указанный подход излишне «нагромоздит» итак «нагроможденное» без этого законодательство.

Разобравшись с правовой природой отношений по исполнению ПМВВ, необходимо определиться и с вопросом о целесообразности принятия отдельного закона, который бы регламентировал процесс исполнения ПМВВ и, исходя из ч. 1 ст. 1 УИК РФ, входил бы в уголовно-исполнительное законодательство или регулирования данного процесса в УИК РФ. Думается, решением данной ситуации может послужить следующее.

Хотя принятие такого закона является наиболее приемлемым вариантом решения данной проблемы ввиду специфики самого института ПМВВ, имеются определенные вопросы, связанные с регулируемым им кругом вопросов [Кургузкина, 2018, 101]. Уместно отметить и то, что, по общему правилу, регламентация исполнения мер уголовно-правового воздействия сосредоточена в УИК РФ и иных федеральных законов, специально этому посвященных, в нынешней практике не имеется. Все иные источники принимаются в целях последующего развития отдельных положений УИК РФ. В связи с этим считаем целесообразным регулировать отношения по исполнению ПМВВ в приоритетном порядке в базовом законе. Принятие отдельного закона полагаем возможным только в том случае, когда регламентация круга указанных отношений потребует отдельного законодательного регулирования, что обуславливает большой массив правовых норм.

Анализ опыта регламентации процесса исполнения мер воспитания в странах, входящих в СНГ

С учетом изложенных выше замечаний и предложений необходимым видится и рассмотрение опыта зарубежных государств, связанного с регулированием отношений по исполнению принудительных мер. При этом наиболее приемлемым считаем обращение к опыту стран, входящих в СНГ, ввиду схожести правовых систем, в то время как обращение к опыту стран ЕС создаст трудности при возможной имплементации имеющихся законодательных положений, так как в указанных странах имеется специфический институт ювенальной юстиции, не свойственный отечественному праву, и др.

Так, в главе 24 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь регламентируется *«применение принудительных мер воспитательного характера и профилактического наблюдения в отношении несовершеннолетних осужденных»* (при этом, в соответствии со ст. 46, 121 УК РБ, применение принудительных мер является формой реализации уголовной ответственности и влечет за собой судимость). Аналогичным образом порядок исполнения принудительных мер регламентирован и в главе 21 УИК Киргизской Республики. Следует также отметить, что в уголовном законодательстве данной страны применение принудительных мер возможно как в рамках освобождения от уголовной ответственности, так и в рамках освобождения от уголовного наказания (ст. 83-87 УК РК).

Кроме того, данный процесс регламентирован в уголовно-исполнительном законодательстве Республики Туркменистан (глава 16 УИК), Республики Узбекистан (глава 34), отдельные нормы содержатся в Исполнительном кодексе Республики Молдова (ст. 174, 270, 291). Отсутствует упоминание об исполнении рассматриваемых нами мер в уголовно-исполнительном законодательстве Казахстана, Армении, Азербайджана, Украины, Таджикистана.

Заключение

Наиболее приемлемой видится регламентация данного процесса в рамках УИК РФ, а также ведомственных актов и инструкций. При этом наличие последних придает и будет придавать регулированию данных отношений определенную гибкость.

Прежде чем перейти к кругу вопросов, которые, по-нашему мнению, целесообразно регламентировать в УИК РФ, следует определиться с терминологией, используемой в дальнейшем. Анализ положений уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства позволяет обнаружить непоследовательность и неудачное оперирование законодателем понятиями «применение», «исполнение» и «назначение». Так, в ст. 87 УК РФ говорится о применении ПМВВ и назначении наказания, ст. 90 УК РФ названа «Применение принудительных мер воспитательного воздействия», в ст. 92 УК РФ говорится также о применении ПМВВ. Кроме того, в УПК РФ также говорится о применении ПМВВ: при постановлении приговора суд в соответствии с п. 15 ч. 1 ст. 299 разрешает вопрос о том, могут ли быть применены ПМВВ; в наименовании и содержании ст. 427, 431-432 УПК РФ также фигурирует термин «применение». Вместе с тем в ч. 3 ст. 90 УК РФ указывается, что «несовершеннолетнему может быть *назначено* одновременно несколько принудительных мер воспитательного воздействия», а в ч. 2 ст. 2 УИК РФ указывается на «...*применение* иных мер уголовно-правового характера». В связи с этим возникает вопрос о том, что делают с ПМВВ – применяют или назначают, а также о том, что происходит в рамках уголовно-исполнительных отношений – исполнение или применение ПМВВ.

Как представляется, термин «назначение» в рамках уголовного закона свойственен исключительно наказанию и не может рассматриваться в отношении ПМВВ, с которыми как раз следует употреблять термин «применение». Таким образом, суд на этапе постановки судебного решения и конкретизации меры уголовно-правового воздействия *применяет* к несовершеннолетнему принудительные меры воспитательного воздействия, в то время как уполномоченные органы (например, подразделения по делам несовершеннолетних и др.) организуют процесс ее исполнения. В связи с этим необходимо внести соответствующие уточнения в указанные выше положения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Следует очертить тот перечень вопросов, которые необходимо отразить при регламентации в уголовно-исполнительном законе. Автором намеренно не приводится проект поправок, так как нынешняя система ПМВВ, а также порядок применения данного института нуждаются в существенных изменениях, что не позволяет в настоящее время определиться с окончательной редакцией такого проекта, однако это не влияет на круг вопросов, которые следует отразить при его дальнейшей разработке.

Регламентацию указанных ниже вопросов предлагаем разместить в отдельном разделе IX либо переименовать раздел VIII, который будет именоваться «Особенности организации исполнения иных мер уголовно-правового характера», а в главе 25 «Исполнение принудительных мер воспитательного воздействия» изложить следующее.

- 1) Цели, которые преследует процесс исполнения ПМВВ.
- 2) Перечень органов, на которые будут возложены исполнение и контроль за применением ПМВВ.
- 3) Порядок привлечения к процессу отбывания ПМВВ, а также порядок отбывания отдельных принудительных мер. При этом считаем более верным использовать опыт

- Киргизской Республики и Республики Узбекистан, придав каждой мере самостоятельную регламентацию в отдельной статье.
- 4) Исчисление сроков применения/исполнения ПМБВ.
 - 5) Меры поощрения и взыскания, применяемые к несовершеннолетним во время отбывания ПМБВ.
 - 6) Основания отмены (а возможно и замены на более строгую) примененной ПМБВ. Основания и условия досрочного прекращения ПМБВ, чему, думается, должна предшествовать аттестация лица (на основе всестороннего изучения его личности и оценки поведения в период исполнения ПМБВ).
 - 7) Отдельные вопросы исполнения/отбывания ПМБВ лицом, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте и достигшим совершеннолетия к моменту применения/исполнения ПМБВ. Также следует уделить внимание и исполнению ПМБВ, примененных в порядке ст. 96 УК РФ.
 - 8) Основания и условия освобождения от наказания (в ходе его исполнения) с применением ПМБВ.
 - 9) Права и обязанности лиц, к которым применены ПМБВ, а также комплекс ограничений, который обусловлен процессом исполнения ПМБВ.

Библиография

1. Борисов А.В. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Книжный мир, 2011. 480 с.
2. Боровиков С.А. Правовое обеспечение назначения и исполнения принудительных мер воспитательного воздействия // Российский юридический журнал. 2010. № 1. С. 116-121.
3. Бурлака С.А. Необходим федеральный закон о принудительных мерах воспитательного воздействия // Российский следователь. 2015. № 15. С. 41-44.
4. Данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>
5. Карелин Д.В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. 26 с.
6. Курбанова А.С. Уголовно-правовые отношения и уголовная ответственность: проблемы соотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 24 с.
7. Кургузкина Е.Б. Уголовно-исполнительные правоотношения: понятие, классификация, субъекты // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 3. С. 99-102.
8. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон Рос. Федерации от 24.06.1999 № 120-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21.05.1999: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 09.06.1999. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/
9. Поводова Е.В. Принудительные меры воспитательного воздействия (проблемы теории и правового регулирования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 32 с.
10. Пудовочкин Ю.Е. Ювенальное уголовное право: понятие, структура, источники // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 44-52.
11. Санташов А.Л. Исполнение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних: вопросы правовой регламентации // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 130-132.
12. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 18.12.1996: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25.12.1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22.11.2001: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05.12.2001. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
14. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24.05.1996: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 05.06.1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

Enforcing compulsory measures of educational influence: a critical analysis of legal regulation

Kirill I. Nagornov

Member of the working group of the State Duma on the draft law, Student,
Department of criminal law,
Volgograd State University,
400062, 100 Universitetsky av., Volgograd, Russian Federation;
e-mail: nagornov_k@inbox.ru

Abstract

The article raises the issue of unification of the legal framework regulating the process of enforcing compulsory measures of educational influence in the current legislation of the Russian Federation. The purpose of this work is to find the optimal way to describe the process of enforcing these measures in the current legislation. The author makes an attempt to systematise the legal sources that currently regulate the process, to carry out a critical analysis of the existing proposals (conceptions) of legislative regulation of this process, as well as to consider the legislative experience of the CIS countries. The methodological basis of this study includes a set of methods of scientific knowledge, including the comparative legal method, the methods of logical analysis, synthesis, induction, deduction and generalisation. Taking into account the analysed provisions, the paper substantiates the conception of the need to regulate the process of enforcing compulsory measures of educational influence in the Penal Code of the Russian Federation, as well as certain provisions in by-laws and local acts. The analysis of the Russian legislation on the regulation of the process of enforcing compulsory measures of educational influence makes it possible to formulate a number of practical recommendations for improving the current criminal and penal legislation of the Russian Federation.

For citation

Nagornov K.I. (2019) Ispolnenie prinuditel'nykh mer vospitatel'nogo vozdeistviya: kriticheskii analiz pravovoi reglamentatsii [Enforcing compulsory measures of educational influence: a critical analysis of legal regulation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 9 (12A), pp. 162-172. DOI: 10.34670/AR.2020.92.12.016

Keywords

Compulsory measures of educational influence, application, execution, release from criminal liability, release from criminal punishment, criminal-executive relations.

References

1. Borisov A.V. (2011) *Kommentarii k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [A commentary on the Penal Code of the Russian Federation (article-by-article)]. Moscow: Knizhnyi mir Publ.
2. Borovikov S.A. (2010) Pravovoe obespechenie naznacheniya i ispolneniya prinuditel'nykh mer vospitatel'nogo vozdeistviya [Legal support for imposing and enforcing compulsory measures of educational influence]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian juridical journal], 1, pp. 116-121.
3. Burlaka S.A. (2015) Neobkhodim federal'nyi zakon o prinuditel'nykh merakh vospitatel'nogo vozdeistviya [There is a need for adopting a federal law on compulsory measures of educational influence]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian

- investigator], 15, pp. 41-44.
4. *Dannye sudebnoi statistiki* [Judicial statistics]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> [Accessed 14/12/19].
 5. Karelin D.V. (2001) *Prinuditel'nye mery vospitatel'nogo vozdeistviya kak al'ternativa ugovnoy otvetstvennosti*. *Doct. Diss. Abstract* [Compulsory measures of educational influence as an alternative to criminal liability. Doct. Diss. Abstract]. Tomsk.
 6. Kurbanova A.S. (2010) *Ugolovno-pravovye otnosheniya i ugovnaya otvetstvennost': problemy sootnosheniya*. *Doct. Diss. Abstract* [Criminal legal relations and criminal liability: the problems of correlation. Doct. Diss. Abstract]. Chelyabinsk.
 7. Kurguzkina E.B. (2018) *Ugolovno-ispolnitel'nye pravootnosheniya: ponyatie, klassifikatsiya, sub"ekty* [Criminal-executive relations: the concept, classification, participants]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation], 3, pp. 99-102.
 8. *Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh: feder. zakon Ros. Federatsii ot 24.06.1999 № 120-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 21.05.1999: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 09.06.1999* [On the foundations of the system of prevention of neglect and offences of minors: Federal Law of the Russian Federation No. 120-FZ of June 24, 1999]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ [Accessed 14/12/19].
 9. Povodova E.V. (2005) *Prinuditel'nye mery vospitatel'nogo vozdeistviya (problemy teorii i pravovogo regulirovaniya)*. *Doct. Diss. Abstract* [Compulsory measures of educational influence (the problems of theory and legal regulation). Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
 10. Pudovochkin Yu.E. (2002) *Yuvenal'noe ugovnoe pravo: ponyatie, struktura, istochniki* [Juvenile criminal law: the concept, structure, sources]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 3, pp. 44-52.
 11. Santashov A.L. (2018) *Ispolnenie prinuditel'nykh mer vospitatel'nogo vozdeistviya v otnoshenii nesovershennoletnikh: voprosy pravovoi reglamentatsii* [Enforcing compulsory measures of educational influence against minors: the issues of legal regulation]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2, pp. 130-132.
 12. *Ugolovno-ispolnitel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 08.01.1997 № 1-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 18.12.1996: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 25.12.1996* [Penal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 1-FZ of January 8, 1997]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ [Accessed 14/12/19].
 13. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 22.11.2001: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 05.12.2001* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ [Accessed 14/12/19].
 14. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: feder. zakon Ros. Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 24.05.1996: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 05.06.1996* [Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ [Accessed 14/12/19].